

Дэвид Истон

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

(Easton D. Political Science in the United States: Past and Present. — In: Farr J., Seidelman R. (eds). Discipline and History. Political Science in the United States.)

Политологию определяли разнообразными способами — как науку власти, о монополии на легитимное применение силы, о достойной жизни, о государстве и т.д. Если что-то и характеризует западную политологию в целом, так это отсутствие консенсуса по поводу исчерпывающего определения ее предмета. По причинам, подробно описанным в другой моей работе (Easton, 1981a), я предпочитаю определять политологию как науку о том, каким образом принимаются решения, затрагивающие все общество, и почему эти решения считаются обязательными большинством людей в большинстве случаев. Нас, как политологов, интересуют все те действия и социальные институты, которые имеют более или менее прямое отношение к принятию, претворению в жизнь и последствиям властных решений (Easton, 1981b). Чтобы понять политическую жизнь, следует обратиться к изучению властного распределения ценностей (ценных вещей) в обществе.

На деле, такое определение в равной мере приложимо ко всем и каждой политической системе — современной или древней, большой или маленькой, индустриальной или аграрной, массовой или племенной и т.д. Возможно, не будет ошибкой сказать, что подобный путь вычленения сферы политического приобрел за последнюю четверть столетия поддержку значительной части политологов. Он позволяет нам отделить сферу своих интересов от интересов экономистов, этнографов, социологов и других

обществоведов.

Отталкиваясь от данного определения предмета политической науки, обратимся к тому, что происходило в этой области на Западе, и особенно в США, в течение XX столетия. Развитие западной политологии прошло через четыре этапа. Каждый из них имел свои отличительные черты. Каждый этап надстраивался над предыдущим и — хотелось бы верить — что-то добавлял к его достижениям. Я обозначу эти этапы так: формальный (правовой), традиционный (неформальный или добихевиоралистский), бихевиоралистский и постбихевиоралистский. Рассмотрим их по очереди.

Формальный и традиционный этапы

К концу XIX в. в зарождавшейся политической науке господствовало убеждение, что стоит только описать законы, управляющие распределением власти в политических системах, и мы получим правильное понимание функционирования политических институтов. Политологи исходили из предположения о практически полном соответствии между конституционными и правовыми уложениями, касающимися прав и привилегий носителей государственных должностей, и их реальными политическими действиями.

В самом конце столетия Уолтер Бэйджхот в Великобритании, а за ним и Вудро Вильсон в США (где он сначала учился, а потом преподавал) сделали важное открытие. К всеобщему удивлению обнаружилось, что помимо формальной структуры политических должностей и институтов существует многообразие форм неформального поведения и организаций, способных влиять на процесс принятия решений. Бэйджхот, Вильсон и др. исследовали данный феномен на примере неформальных комитетов в составе законодательных ассамблей своих стран, а также политических партий. Позднее к списку неформальных институтов, которые следовало принимать во внимание ученым, добавились группы интересов, или давления.

В результате этих открытий развитие политологии вступило в новый этап, когда основным предметом изучения стали не формальные, правовые структуры, а окружающий их мир неформальной политической деятельности. Изменение исследовательских приоритетов, начавшееся в конце XIX в., к 1920-м годам шло уже полным ходом. Люди, обучавшиеся в США в 1920-е — 1940-е годы, в большинстве своем испытали влияние данного направления, которое в качестве отдельного этапа в развитии политических исследований позднее стало именоваться традиционной

политологией. В тот период обучение профессии предполагало преимущественное внимание к деятельности политических партий, их влиянию на Конгресс или парламент, а также к росту групп давления и прочих групп в США. Группы давления попали в поле зрения политологии и подверглись глубокому анализу в основном стараниями А.Бентли (Bentley, 1908), труд которого прошел незамеченным современниками, и позднее — несколько в другом плане — П.Херринга (Herring, 1929) и Д.Трумэна (Truman, 1951). Методологической особенностью традиционного этапа было стремление к описанию политических процессов и сбору соответствующей информации, а не к созданию всеобъемлющих теорий, объясняющих их закономерности. В действительности, однако, исследовательская практика подспудно направлялась теоретическими соображениями. Во многом неосознанно большинство политологов того времени фактически проводили мысль о том, что политический процесс — это гигантский механизм принятия решений. Как выразился один из представителей данного направления М. Фэйнсод, решения есть производное «параллелограмма сил» (Fainsod, 1940). Имелось в виду, что при принятии решений, будь то на законодательном или административном уровне, результат формируется под воздействием со стороны многообразных социальных групп — политических партий, группировок внутри самой бюрократии, групп интересов, общественного мнения и т.п. Противодействуя друг другу, эти давления и создают параллелограмм сил, которые посредством торга, переговоров, адаптации, компромиссов и приспособления (все эти термины широко использовались для описания процесса) достигают точки равновесия для данного места и данного промежутка времени. Это равновесие и порождает конкретную политику — или, другими словами, политику можно назвать точкой равновесия между разнонаправленными силами, воздействующими на лиц, принимающих решения. Если в какой-то момент одна из сил претерпевает изменения, — скажем, вследствие изменений в экономической структуре, социальных установках или же смены носителей власти, — то могут быть выдвинуты требования о модификации старой политики или даже о полном отказе от нее. Тогда различные группы вновь вступают в борьбу за влияние на политику, и может быть достигнута новая точка равновесия (Easton, 1981a). Как я уже отмечал, данная теория присутствует в литературе главным образом латентно.

Исследовательские методы, характерные для традиционного этапа развития политической науки, не менее неформальны, чем теоретические основы изысканий. Специализированные методики

сбора и анализа данных использовались крайне мало. Проблема методов практически и не ставилась, т.е. методы не рассматривались как нечто, требующее особого внимания и навыков. Собирать и анализировать информацию мог любой. В результате отсутствовали какие-либо формальные приемы проверки достоверности собранной информации, а также оценки основанных на такой информации интерпретаций.

Кроме того, зачастую было трудно понять, выражает ли исследователь собственные предпочтения или действительно пытается описать, как функционируют политические институты и как ведут себя люди, занимающиеся политикой. Суждения о должном и наличном неразрывно переплетались друг с другом. Факты и ценности аннигилировали друг друга.

Недостаток теоретической согласованности традиционной политологии отразил и мой собственный аспирантский опыт. В Гарвардском университете я посещал множество политологических курсов. Их тематика включала историю политической мысли, муниципальную и местную политику, конституционное право, внешнюю политику, государственное регулирование экономики, группы интересов, или давления, международные отношения, формы правления в различных зарубежных странах и законодательную деятельность Конгресса. К концу аспирантуры голова пошла кругом. Никто не мог мне объяснить, почему интерес к политике требует изучения столь многообразных предметов, связанных между собой лишь тем, что все они имеют некое отношение к феномену, именуемому правлением. У меня не было ни малейшего представления о том, каковы основания считать политологию единой отраслью знания. Теория, в рамки которой можно было бы вместить полученные мною знания и которая позволяла бы определить, имеет ли содержание того или иного курса отношение к сфере моих интересов, отсутствовала. Возможно, с этим могла бы справиться — судя хотя бы по названию — политическая теория. Но эта дисциплина, как оказалось, занималась преимущественно изучением истории политической мысли. Это, конечно, было само по себе интересно и важно, но при этом не выполнялась задача частичной или полной концептуализации науки. А ведь именно такова одна из главных функций теории в других науках, вроде экономики, химии или физики.

Таким образом, на традиционном этапе своего развития политология открыла для себя огромный пласт многообразной неформальной деятельности, на котором произрастает государственная политика. Однако в тот период не проводилось

четкого различия между описанием политических явлений и ценностями ученого, теория не выполняла тех функций, которые подразумеваются самим словом «теория», а методы считались чем-то настолько само собой разумеющимся, что даже не рассматривались как отдельная проблема.

Бихевиоралистский этап

Формально-правовой и традиционный этапы представляют собой первые две фазы в развитии современной политологии. Дальнейшее ее развитие связано с так называемой бихевиоралистской революцией, развернувшейся сперва в Америке, а затем быстро перекинувшейся на другие части света. Бихевиоралистская фаза началась после второй мировой войны, однако ее истоки прослеживаются и в более ранний период. Несомненно, это была главная трансформация, которую претерпела политическая наука в нынешнем столетии.

Термины «бихевиоризм» и «бихевиорализм», хотя и происходят от одного английского слова «behavior», имеют мало общего между собой, и их не надо путать. Политология никогда не была «бихевиористской» — даже в период расцвета бихевиоралистского направления. Термин «*бихевиоризм*» относится к особой теории человеческого поведения в психологии, выдвинутой в работах Дж. Б. Уотсона. Я не знаю ни одного политолога, который придерживался бы этой доктрины. Мне не приходилось встречать среди своих коллег (хотя, возможно, таковые имеются) и сторонников психологической теории Б. Ф. Скиннера, основателя «оперантной» школы в психологии и современного наследника Уотсона.

Главное сходство между «бихевиоризмом» и «бихевиорализмом» состоит в том, что оба направления черпают информацию о происходящем из наблюдений за поведением человеческих факторов. В обоих случаях признается, что методология, основанная на естествознании, применима и к изучению человека. Но кроме этих точек соприкосновения — признания индивида основным объектом исследования и использования научного метода — общего между двумя направлениями мало.

Бихевиоралистский этап в развитии политологии отличается от предшествовавших по целому ряду параметров (Easton, 1962). Во-первых, бихевиорализм исходит из того, что человеческое поведение имеет распознаваемые единообразные характеристики, которые, во-вторых, могут быть выявлены эмпирическим путем. В-третьих, ему присуще стремление к использованию более строгих методов сбора

и анализа информации. Методы стали восприниматься как проблема, а не как данность. Получили всеобщее распространение учебные курсы и пособия по сбору и анализу информации, которых раньше не было. Постольку, поскольку их можно было и имело смысл применять, важное место в политологии заняли количественные подходы. В результате в 1950-х и 1960-х годах в политической науке стали применяться все более сложные и разнообразные методы эмпирических исследований и количественного анализа: опросы, интервью, выборки, регрессионный и факторный анализ, моделирование и т.п. В-четвертых, бихевиоралисты были в гораздо большей степени, чем их предшественники, склонны к теоретическим изысканиям. Поиск систематических объяснений, основанных на объективном наблюдении, привел к изменению самого понятия теории. В прошлом теория традиционно имела философский характер. Главной ее проблемой было достижение «достойной жизни». Позднее теория приобрела по преимуществу историческую окраску, и ее целью стал анализ происхождения и развития политических идей прошлого. Бихевиоралистская же теория была ориентирована на эмпирическое применение и видела свою задачу в том, чтобы помочь нам объяснять, понимать и даже, насколько это возможно, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических институтов.

Основные усилия теоретиков бихевиоралистского периода были направлены именно на разработку эмпирически ориентированных теорий, которые могли бы применяться на разных уровнях анализа. Так называемая теория среднего уровня должна была, по их замыслу, служить средством разработки теорий, охватывающих крупные разделы дисциплины. Например, теория плюрализма власти породила теории демократических систем, игр и общественного выбора (Riker и Ordeshook, 1973).

В то же время предпринимались усилия по разработке более широких, так называемых общих теорий. Они были призваны обеспечить наиболее всеобъемлющее понимание политической системы. Важнейшими попытками такого рода были структурно-функциональная теория и системный анализ (Easton, 1981b).

В-пятых, многие бихевиоралисты полагали, что в процессе исследования можно в значительной мере абстрагироваться от ценностей как самого ученого, так и общества в целом. Считалось, что этические оценки и эмпирические объяснения опираются на разные типы суждений, которые следует четко различать и отделять друг от друга в аналитическом плане. Бихевиоралисты принимали исходное предположение позитивизма (сформулированное Венским

кружком в начале века), что исследовательская деятельность может быть свободной от ценностей или нейтральной в ценностном отношении. И хотя некоторые из нас, включая меня самого, этой точки зрения не разделяли (см. Easton, 1981a, глава 9), не будет преувеличением сказать, что на пике бихевиоралистской революции такой подход доминировал. В результате нравственные оценки отошли далеко на задний план среди исследовательских приоритетов политологии.

В-шестых, в рамках бихевиорализма возродилось представление о самостоятельной роли «чистой теории» как чего-то отличного от прикладных исследований. Бихевиоралисты исходили из того, что задача обществознания состоит в фундаментальном понимании и объяснении, поскольку, лишь получив достоверные знания о функционировании политических институтов и политическом поведении людей вообще, можно использовать их для решения насущных социальных проблем. Таким образом, на бихевиоралистском этапе произошел сдвиг исследовательских интересов от задач социального реформирования к вопросам, диктовавшимся состоянием самой науки.

Почему же в 1950-х — 1960-х годах в США произошла бихевиоралистская революция? Ясно, что она явилась следствием сложного комплекса тенденций. Отчасти, ее причиной послужила естественная эволюция самой науки. Традиционная политическая наука с ее поверхностным, основанным на здравом смысле стилем исследования, с ее привязанностью к историческим описаниям и тенденциозностью, попросту себя исчерпала. Развивающееся массовое индустриальное общество не могло опираться на столь ненадежные объяснения при решении своих проблем. Слишком многое оставалось неясным в понимании политических институтов и процессов. Дополнительным стимулом к развитию политологии стали и необычайные успехи в области познания, достигнутые естественными и некоторыми общественными науками (например, психологией и экономикой), использующими более строгие методы сбора и анализа данных. Продемонстрировав возможность альтернативных подходов, они подтолкнули политологию к отказу от «здорового» смысла и замене его смыслом научным, когда проблематика исследования определяется не столько социальными, сколько теоретическими критериями, а на смену сугубо описательным, основанным на том самом «здоровом» смысле методам приходят особые технические навыки.

Кроме того, распространению научного подхода на изучение политики способствовали и конкретные общественные силы. После начала «холодной войны» между Соединенными Штатами и

Советским Союзом, в особенности во время войны в Корее (1950-1953), сенатор Джозеф Маккарти развязал и возглавил психологический и правовой террор против либералов и прочих инакомыслящих в США. Обществоведы оказались особенно уязвимыми перед лицом этого натиска. И маккартистам удалось загнать в подполье интерес к социальным преобразованиям и критической теории.

В такой ситуации объективные, беспристрастные и ценностно-нейтральные исследования оказались той защитной нишей, в которой ученые могли укрыться от опасностей открытой политической борьбы, не поступаясь интеллектуальной совестью и даже не без пользы для себя. Возможно, это один из редчайших случаев в истории науки, когда из сочетания дурных причин возникло нечто полезное. Разумеется, маккартизм не имел никакого отношения к возникновению бихевиорализма как нового подхода к исследованию политики. Он был лишь одним из обстоятельств, загнавших в подполье интерес к социальным преобразованиям. В результате обществоведы обратились к менее политически рискованной области — фундаментальным исследованиям, а это, как оказалось, пошло на пользу политологии.

Кроме маккартизма, утверждению бихевиоралистского подхода способствовало и другое социальное обстоятельство — послевоенное благосостояние и связанный с ним консерватизм 1950-х и начала 1960-х годов. Распространилось представление, что идеологии в Соединенных Штатах пришел конец. Быстрый экономический рост был выгоден всем слоям общества, даже беднейшим. Казалось, что критические направления социальной мысли, в том числе критический либерализм как таковой, вымерли в США, а вместе с ними — и всякое подобие идеологического конфликта. Таково было убеждение, выраженное в известной книге Д. Белла «Конец идеологии» (Bell, 1960).

В ретроспективе мы видим, что идеология вовсе не умерла и казалась исчезнувшей лишь потому, что в тот момент безоговорочно преобладало одно идеологическое направление — либерально-консервативное. Некому было бросить ему вызов. К концу 1960-х годов с ростом движения за гражданские права чернокожих американцев ситуация, конечно, переменилась. Однако в течение всего предшествовавшего периода альтернативные идеологии действительно отошли на задний план или ютились в подполье. Отсутствие идеологической конкуренции привело к тому, что источником вдохновения для обществоведов стали не проблемы общества, а внутренние потребности социальной теории обусловленные логикой развития научного знания. Казалось — во

всяком случае, судя по риторике тогдашних обществоведов, — что они променяли общество на башню из слоновой кости, где можно было предаваться научным изысканиям.

Очевидно, что эта тенденция, выглядевшая — с социальной точки зрения — как отказ ученых от всякой ответственности перед обществом, с точки зрения самой науки представляла как освобождение от сковывающей ее вовлеченности в общественные дела. Это позволило политологии в спокойных условиях заняться решением важнейших для ее дальнейшего развития технических вопросов — о месте теории в социальном познании, о строгих методах исследования, об усовершенствовании техники сбора и обработки информации, о критериях профессионализма политологов и обществоведов в целом и т.д.

Короче говоря, можно констатировать, что в бихевиоралистский период, каковы бы ни были обусловившие его исторические причины и случайные обстоятельства, общественные науки были заняты укреплением научной базы исследовательской работы. Ценою было резкое падение интереса к социальной критике и к участию в общественной жизни.

Постбихевиоралистский этап

То, что я называю постбихевиоралистской революцией (подобное определение следующего этапа развития политологии стало уже общепринятым), началось в 1960-е годы и продолжается по сей день (Easton, 1969). Характерной чертой этого этапа стало глубокое разочарование в итогах бихевиорализма. Но научный метод в политологии не был отвергнут. Скорее, существенно изменилось наше понимание того, какова природа науки, и даже к нынешнему дню его нельзя признать устоявшимся.

Почему возникло постбихевиоралистское движение? Каковы его источники? В Соединенных Штатах оно развивалось на фоне так называемой контркультурной революции 1960-х — начала 1970-х годов, развернувшейся сперва на Западе, но затронувшей и Восток. Это был период глобальных социальных перемен. Во главе революции встали в основном представители студенчества, концентрировавшегося в быстро растущей системе колледжей и университетов по всему миру. В Соединенных Штатах контркультурная революция выросла из движения за гражданские права, активизировавшегося после принятия Верховным судом в 1954 — 1955 гг. решений об отмене сегрегации в системе образования, и сопровождалась выдвижением требований улучшения положения чернокожих американцев и других

меньшинств и массовой кампанией протеста против войны во Вьетнаме во время правления администраций Джонсона и Никсона. Наиболее наглядным ее проявлением стало новое отношение к формам одежды, сексуальному поведению, социальной роли женщин и меньшинств, бедности, окружающей среде (т.е. к проблемам загрязнения, ядерных отходов и атомной энергетики), а также к социальному неравенству. Постбихевиоралистское движение в самом широком смысле представляло собой продукт растущей обеспокоенности современного мира по поводу опасностей, связанных с быстрой и неконтролируемой индустриализацией, этнической и сексуальной дискриминацией, бедностью в глобальном масштабе и военной угрозой. Нет смысла давать здесь детальное описание данного движения. Достаточно будет лишь охарактеризовать то воздействие, которое контркультурная революция 1960-х — 1970-х годов оказала на обществознание в целом и на политологию в частности. Прежде всего, перед общественными науками встал вопрос — почему они не смогли предсказать появление большинства названных выше проблем, приобретших в новых условиях первостепенное значение? Казалось, что обществознание просто укрылось от этих проблем в своей башне из слоновой кости. Подобные вопросы спровоцировали серьезные споры о том, какова природа политологии и в чем состоят ее задачи.

В результате споров прояснились два обстоятельства. Во-первых, был брошен вызов изначально присущей бихевиорализму 1950-х — 1960-х годов претензии на научность. Критика научного метода частично воспроизводила аргументы, хорошо известные еще с XIX в.: человеческое поведение состоит из слишком многих сложных переменных, и потому едва ли возможно выделить какие бы то ни было присущие ему закономерности; в отличие от атомов, люди не детерминированы — они обладают свободной волей, и их поступки нельзя предсказать даже на вероятностной основе. Хотя методология естествознания действительно достигла громадных успехов в области познания, связано это именно с тем, что естественные науки имеют дело с неодушевленными предметами. Ведь у атомов нет ни чувств, ни намерений, которые по самой своей природе непрогнозируемы и не поддаются ни наблюдению, ни предсказанию.

Другое направление критики общественных наук было прямо направлено против бихевиоралистского тезиса о ценностной нейтральности социального познания. Как уже говорилось, некоторые обществоведы бихевиоралистского направления провозгласили «конец идеологии». С появлением же

контркультурного движения начала распространяться идея о том, что социальное познание, напротив, насквозь проникнуто идеологией. Критики утверждали, что претензия обществознания на ценностную нейтральность на деле объясняется тем, что оно полностью приняло идеологию status quo (буржуазного либерализма) и существующую структуру власти. Его идеологические основания, стало быть, исчезли из поля зрения именно потому, что совпадали с предпочтениями истеблишмента, интересам которого объективно служил ложный тезис об объективности познания. Оправдывая отстранение обществоведов от насущных социальных проблем и участия в их решении, этот тезис, как полагали критики, фактически работал на укрепление существующего порядка.

Подобная критика скрытых идеологических посылок научного метода переросла во всестороннюю критику гносеологических и онтологических оснований социального познания. В весьма популярной в те годы книге Т. Куна «Структура научных революций» (Kuhn, 1962) был выдвинут тезис о том, что развитие наук — как естественных, так и общественных — это, в сущности, иррациональный процесс. Любые изменения в сфере науки рассматриваются автором не как продукт постепенного накопления знаний и понимания, а как следствие перехода ученых к новой парадигме, т.е. системе идеологических и иных посылок, происходящих по целому ряду поддающихся объяснению причин. С этой точки зрения история науки предстает как ряд метаний от одной системы посылок (парадигмы) к другой.

Сначала воздействие книги Куна было колоссальным. Позднее, однако, возникло понимание того, что в своем отрицании всякой возможности объективного познания и накопления его результатов Кун вышел далеко за пределы царства необходимости и вероятности (Suppe, 1977). Тем не менее, данное направление критики сыграло важную роль, ибо оно привлекло внимание ученых к необходимости переосмыслить способы достижения объективного знания в условиях, когда познавательный процесс подвержен воздействию посылок ценностного характера.

Я лишь вкратце затронул ожесточенную критику научного метода, развернувшуюся с начала 1970-х годов. Она привела к переоценке позитивистской концепции научного метода, преобладавшей в течение бихевиоралистского этапа. Последствия этой переоценки проявились в современных подходах к изучению политики, гораздо более разнообразных, чем в период бихевиорализма. Снова была признана известная познавательная ценность нестрогих методов, применявшихся ранее, равно как и метода интерпретативного

понимания (*verstehen*), разработанного на рубеже XIX — XX вв. Максом Вебером. Наблюдалось и возрождение марксизма как альтернативного подхода к развитию обществознания (Oilman и Vernoff, 1982; Poulantzas, 1973).

В самом деле, в политологии появилось такое множество методов, что она, похоже, утратила единство цели. Особенностью 1950-х — 1960-х годов был мессианский настрой ученых, стремление участвовать в коллективных усилиях по развитию и совершенствованию методов научного исследования, присущее даже критикам этого метода. Ныне нет единой, преобладающей позиции, которая захватила бы воображение членов профессионального сообщества, и особенно молодежи. Более того, нет такой позиции, на которой имело бы смысл сосредоточивать огонь критики. Дисциплина распалась на различные методологические концепции, хотя, возможно, научный подход по-прежнему остается главной из них. Но и этот подход, как нам предстоит убедиться, не есть «наука» в старом позитивистском смысле слова. Понимание природы науки изменилось, стало более гибким. Утратив цель развития, состоявшую в достижении научно достоверных результатов, политология, кажется, лишилась и своего содержательного ядра. Когда-то было согласие по поводу того, что политология призвана изучать ценности или принципы достойной жизни. Имелась, пусть это не покажется бахвальством с моей стороны, и господствующая точка зрения относительно ее предмета. Если и было какое-то исчерпывающее определение предмета политологии, то оно состояло как раз в том, что политическая наука изучает властное распределение ценностей в обществе. Данное определение было сформулировано в моей книге 1953 г. «Политическая система» (Easton, 1981a) и получило широкое признание.

Но сегодня трудно сказать, что это значит — изучать политику, да и сам этот вопрос волнует ученых куда меньше, чем в прошлом. Концепция политологии как науки о государстве, вытесненная после второй мировой войны идеей политической системы, ныне возродилась снова. Параллельно, по крайней мере в американской политологии, произошло возрождение марксистских и постмарксистских подходов (Easton, 1981c), в которых понятие государства, естественно, играет центральную роль.

Какие же способы воссоединить дисциплину, вновь дать ей единство цели и выработать хоть какие-нибудь альтернативные исследовательские методы предлагаются сегодня? Это трудный вопрос. К началу 1990-х годов политология по-прежнему пребывала в состоянии поиска новой идентичности и стимулов к развитию, или

целей. Вне всякого сомнения, политическая наука находится сейчас на перепутье, и трудно предсказать, какой облик она в конечном итоге примет. Дисциплина кажется раздробленной и преследует многие цели одновременно именно потому, что теории, методы и исследовательские подходы служат предметом полемики, то есть находятся в процессе изменения.

Некоторое представление о происходящей перестройке может дать простое перечисление различных интересов и подходов, представленных в современной американской политологии.

Теоретический марксизм, почти что вымерший в США после 1940-х годов (но при этом вполне жизнеспособный в Европе), в 1970-х годах возродился. Однако среди приверженцев марксистских методов и теорий нет единства, и американский ренессанс полностью воспроизводит раздробленность европейского марксизма. Всевозможные школы марксизма — критическая теория, гуманистический, культурный, структурный и ортодоксальный марксизм — не только появились в Америке, но и оказали определенное воздействие на развитие американской политической науки, хотя наиболее влиятельной была, вероятно, структурная версия, разработанная Альтюссером и Пуланцасом.

Понятно, что, по мере усвоения американскими исследователями, марксизм — о какой бы школе ни шла речь — как бы смягчался, и характер исследовательской практики был скорее квазимарксистским. Но и в таком виде возрождение марксизма способствовало обострению интереса политологов к исторической проблематике, а также к экономическим, классовым и идеологическим факторам и в целом к социальному контексту (к общественной формации, как выразился бы Альтюссер). К настоящему моменту, однако, перспективы дальнейшего использования марксистских теорий в социальных исследованиях остаются неясными, поскольку пока еще трудно сказать, как события последних лет — распад социалистического блока, перестройка в СССР и прорыв демократических идеологий по всей Восточной Европе — отразятся на судьбе марксизма.

В основном, однако, американская политология движется в иных направлениях. По-прежнему сохраняется присущий бихевиоралистскому этапу интерес к поведению избирателей и носителей различных видов власти — судебной, законодательной, административной и исполнительной, а также к группам интересов, партиям, проблемам развития и т.д. Но в постбихевиоралистский период возникла и новая исследовательская тематика, отражающая растущее стремление осмыслить новые, свойственные этому периоду проблемы, такие как загрязнение окружающей среды,

этническое, расовое и социальное равенство, равноправие полов, ядерная угроза и т.д.

В поиске ответов на насущные социальные вопросы политология, наряду с другими общественными науками, продемонстрировала незаурядное стремление к практическому применению накопленных ею знаний. Свидетельством тому могут служить стремительный рост и распространение так называемого движения анализа политических курсов. Возникли буквально сотни институтов, активность которых сосредоточена не только на объяснении того, каким образом вырабатываются и претворяются в жизнь те или иные политические меры, но и на разработке политических альтернатив, которые могли бы способствовать решению насущных социальных проблем, стоящих перед всеми обществами современного мира. Эти институты прослеживают все изменения, происходящие в сфере выработки и реализации политических курсов, анализируя их по целому ряду параметров. Какой курс проводится в различных сферах общественной жизни? Как он формируется? Какие подходы отвергаются и почему? Каковы прямые и косвенные последствия осуществления политических мероприятий? В какой мере последствия соответствуют провозглашенным целям? (Попытки ответить на этот вопрос привели к появлению такой заметной субдисциплины, как оценка политических мероприятий.) Как определенная комбинация текущих мероприятий воздействует на последующие меры (обратная связь)? Поскольку же воздействие политических мероприятий сказывается не только в области политики, но и в ряде других областей, представляющих самостоятельные сферы исследовательских интересов, тематика подобных институтов имеет, как правило, междисциплинарный характер (Fleishman, 1990, глава 9). С возникновением такого направления, как анализ политических курсов, возродилась давняя надежда на интеграцию социальных наук, по крайней мере в сфере практического использования накопленных ими знаний.

Еще один сдвиг в исследовательских интересах, неразрывно связанный с ориентацией на изучение конкретных политических мероприятий, проявился и в возрождении политической экономии. В XIX в., когда современная политология еще только зарождалась, экономика и политика нередко рассматривались как близкие и родственные дисциплины. Об этом свидетельствуют, в частности, труды Джона Стюарта Милля, которые сам автор определял как исследования по политической экономии, а также Карла Маркса. Конечно, начавшееся в 1970-е годы возрождение политэкономии было отчасти следствием оживления марксистской мысли. Но оно имело и самостоятельный импульс, обусловленный растущим

стремлением раскрыть многообразные отношения между состоянием экономики, с одной стороны, и политическими событиями и институтами, с другой (Frolich и Oppenheimer, 1982; Monroe, 1983).

Как я уже говорил, политическая экономия представляет собой возврат к традиционному, распространенному еще в XIX в. сочетанию исследовательских интересов. Наиболее бросающаяся в глаза инновация — не имеющее аналогов в прошлом изменение исследовательских подходов произошло недавно в другой области, которую я назвал бы когнитивной политологией. Возникновение этой отрасли политологии отражало стремление к отказу от интерпретации политических явлений как производных полностью бессознательного процесса, т.е. деятельности социальных сил, влияющих на решения и поступки политических факторов и институтов.

Исходное допущение когнитивной политологии состоит в том, что политическое поведение имеет важную рациональную составляющую. Это допущение можно толковать двояким образом: либо в том смысле, что люди действительно поступают рационально, либо в том смысле, что их поведение лучше поддается объяснению, если мы исходим из посылки о его рациональности. В то время как результатами эмпирических социальных исследований являются основанные на наблюдениях обобщенные суждения о поведении, продукт когнитивной политологии — модели того, как люди действуют (или должны действовать) в различных обстоятельствах при условии рациональности их действий. Иными словами, результаты когнитивных исследований выражаются в виде моделей рационального выбора, теории игр или других вариаций так называемых моделей с рациональным фактором (Downs, 1957; Kramer и Hertzberg, 1975; Riker и Ordeshook, 1973; Taylor, 1975). Некоторые политологи считают, что эти построения отражают лишь гипотетически рациональное поведение индивидов. Значение моделей сводится, таким образом, к возможности сравнить реальное поведение с гипотетическим и попытаться объяснить отклонения. Другие ученые убеждены, что люди и в действительности ведут себя так, как следует из моделей. Тогда допущение о рациональности относится к реальности (Riker и Ordeshook, 1973) Есть и такие политологи, для которых предписанное рациональными моделями поведение соответствует определенным нормам, следование которым желательно само по себе. Таким образом, рациональные модели могут описывать чисто формальные структуры рационального поведения, реальные стратегии выбора или же желательные стратегии, если ценится

рациональность как таковая.

Рациональный подход внес важный вклад не только в эмпирически ориентированные исследования, но и в политическую философию. Рациональное моделирование оживило ее. По причинам, о которых говорилось выше, на бихевиоралистском этапе развития политологии изучение моральных проблем практически сошло на нет. Ценности считались простым выражением предпочтений (подход, по сей день господствующий в экономической науке). На современном, постбихевиоралистском этапе попытки показать, что у моральных доводов и суждений есть рациональные основы, возобновились. Толчком для возобновления усилий в этой области во многом послужила работа Джона Роулза «Теория справедливости» (Rawls, 1971), автор которой находился под сильным влиянием методик экономического моделирования и теории игр. Исходя из допущения о рациональности человеческих действий, Роулз попытался выделить достоверные и явные критерии справедливости. Сходные представления о рациональности послужили основой для разработки этических теорий, касающихся равенства, свободы, справедливости в международных отношениях, легитимности и так далее (Beitz, 1979; Elster, 1986; Fishkin, 1982; Lehrer и Wagner 1981).

Новый подход получил распространение не только в политической философии. Его применению в этой области предшествовало — и способствовало — использование моделей с рациональным фактором при изучении электорального поведения и общественного выбора. Как исследовательская техника он проник и в другие области политологии. По своей сути, данный подход является слепком с теоретических подходов современной экономической науки и не гнушается прямым заимствованием экономических теорий для объяснения политических ситуаций (Downs, 1957; Kramer и Hertzberg, 1975).

Увлечение подобными методами анализа вызвало критику со стороны все возрастающего числа ученых, и интенсивность этой критики усиливается. Часть критиков обрушилась на исходную посылку рационалистической концепции, доказывая, что политическое поведение как индивидов, так и их совокупностей в действительности нерационально или иррационально и неспособность принять этот факт во внимание подрывает достоверность исследования (Eckstein, 1988; Elster, 1989; Jarvie, 1984; Mansbridge, 1990; Quattrone и Tversky, 1988). В то же время рациональная модель иногда критикуется за чрезмерный редукционизм, т.е. за стремление объяснить все человеческое поведение через отдельные свойства, вроде рациональности. Такого

рода модель, утверждают критики, не способна обеспечить систематический учет институционального и структурного контекстов, в которых действуют индивиды и которые определяют или по меньшей мере ограничивают поведение акторов как единичных, так и совокупных (Easton, 1990; March и Olsen, 1989). К началу 1990-х годов стало, однако, очевидно, что подобные оговорки относительно применимости рациональной модели не помешали ей занять заметную и, по всей видимости, долговечную нишу в политологии.

В упомянутых выше самостоятельных областях знания, таких как анализ политических курсов, политическая экономия и то, что я называю когнитивными политическими исследованиями (включая рациональное моделирование и новую политическую философию), отход от исследовательской проблематики, характерной для бихевиоралистского периода, и развитие новых методологических перспектив не вызвали особых сложностей. Что же касается методов эмпирических исследований, и в особенности фундаментальной посылки, что человеческое поведение поддается научному изучению, современная убедительная критика научного метода не привела к появлению альтернативного подхода.

В ценностную нейтральность науки верят сегодня лишь немногие, и уже никто не отрицает ценностную наполненность научных понятий. Но невозможно отрицать и то, что все это не снимает потребности в объективном знании и понимании. Как оба данных тезиса могут быть одновременно истинными, до сих пор остается предметом ожесточенных споров (Lakatos и Musgrave, 1970; Suppe, 1977).

Что же предлагают критики научных методов в качестве альтернативы? Здесь-то и кроется основная сложность.

Единственной формальной альтернативой, т.е. альтернативой, дающей хоть какое-то подобие поддающегося выражению, формализации и передаче новым поколениям ученых метода, остается веберовское интерпретативное или эмфатическое понимание. Обсуждение этого метода продолжается, о чем свидетельствует колоссальный рост интереса к трудам Макса Вебера, наблюдаемый в последние годы. По сей день, однако, никому не удалось формализовать, систематизировать или стандартизировать так называемый интерпретативный метод таким образом, чтобы можно было обучать ему желающих. И все же, несмотря на неустранимую невыразимость интерпретативного метода, многие радикальные критики традиционных общественных наук явно или неявно его используют. Это тем более странно, что изобретателя метода, Макса Вебера, называют «Карлом Марксом»

буржуазии».

Настоящее и будущее

Многочисленность и зачастую противоречивость тенденций в развитии западной постбихевиоралистской политологии делают затруднительной общую оценку состояния дисциплины. Поскольку процесс перемен продолжается, в начале 1990-х годов сложно говорить о преобладании какой-либо одной тенденции или направления. Но если таковое и обнаруживается, то состоит оно в том, что большинство политологов сохраняют веру в применимость научной методологии, оправдавшей себя в естествознании, в социальных исследованиях.

Было бы неверным, однако, полагать, что наше понимание научных методов осталось таким же, как на бихевиоралистском этапе. Наши представления о науке отнюдь не застыли, они сами претерпевают изменения.

Мы больше не придерживаемся позитивистского идеала науки.

Подспудная трансформация этого идеала уже началась и в дальнейшем может привести к полному его пересмотру. А если дело обстоит действительно так, то, возможно, мы переживаем одно из наиболее драматических событий в истории общественных наук, сами зачастую не осознавая этого.

Политологами бихевиоралистского этапа, особенно 1950-х — 1960-х годов, был в значительной мере усвоен (хотя это не всегда находило сознательное выражение) позитивизм в его унаследованной от Венского кружка 1920-х годов форме. Соответственно, было усвоено и представление, что в идеале продуктом научного исследования должен быть исходящий из аксиоматических положений корпус знаний, основанных на объективных наблюдениях и выраженных в виде положений, фиксирующих наиболее общие взаимосвязи с применением формального, желательного — математического — аппарата.

Этим представлением и по сей день руководствуются многие обществоведы, особенно те, в исследовательских областях которых возможны реализация подобного идеала или, по крайней мере, приближение к нему (например, общественный выбор и рациональное моделирование). В таких областях математическая формализация является оправданной хотя бы потому, что она внутренне присуща используемым методам анализа. Но во многих — пока еще, я бы сказал, в большинстве — областях политологии, научные результаты такого рода не достижимы. Однако и в этих областях исследование может быть строго научным — при условии

применения обычных логических правил, тщательного сбора данных в соответствии с научными канонами и столь же тщательного их анализа. И все же полученные результаты не будут отвечать позитивистскому идеалу аксиоматической и математизированной системы утверждений. Значит ли это, что мы не вправе считать такие результаты научными?

Во время позитивистского, бихевиоралистского этапа развития политологии на этот вопрос отвечали положительно. Сегодня же, по мере того как философия науки дает нам более гибкое понимание рассматриваемого феномена, возможен и отрицательный ответ, исходящий из признания неаксиоматических и нематематизированных положений в качестве составной части реального научного знания или даже его идеала.

На Западе философия науки является особой дисциплиной, занимающейся изучением природы науки, т.е. способов получения знаний (эпистемология) и мира, который мы стремимся познать и понять (онтология). Как и любая другая дисциплина, философия науки постепенно развивается и, надо надеяться, совершенствуется. Подобно прочим дисциплинам, она растет и видоизменяется. Хотя когда-то философы науки, под влиянием раннего позитивизма, действительно оценивали результаты научного исследования в соответствии с критериями Венского кружка, в последнее время наблюдается тенденция к отказу от жестких математических стандартов. Далеко не все современные философы науки сводят — в духе классического позитивизма — научность к достижению формализованных результатов. Будучи более скептически настроены по отношению ко всякого рода идеалам, философы науки начинают признавать, что для ее понимания нужно не полагаться на некий абстрактный анализ науки, принимая его в качестве адекватного описания познавательной научной деятельности, а внимательнее всмотреться в то, что действительно делают ученые. Всмотревшись же в историю научной практики, мы обнаруживаем, что число и многообразие признаваемых полезными и необходимыми продуктов исследовательской деятельности гораздо шире, чем было бы, руководствуясь мы позитивистскими критериями. Современная философия науки начинает понимать, что существует множество разновидностей научных результатов, которые удовлетворяют ученых. Такие результаты дают нам ответы на важные вопросы, возникающие в отдельных исследовательских областях, даже если не имеют ничего общего с формальными или математическими моделями, предписанными ранним позитивизмом. Например, классификационные и таксономические системы, концептуальные схемы, равно как и лишённые предиктивной силы

качественные обобщения по поводу процессов эволюции, имеют мало общего с формальными моделями или с математикой. И все же в целом ряде наук — таких как ботаника или биология — они вполне приемлемы как конечные продукты исследования (Hanson, 1969; Shapere, 1974; Suppe, 1977; Toulmin, 1972).

И если это так в естествознании, методологические успехи которого едва ли подлежат сомнению, то тем более верно это должно быть в общественном знании. Но тогда систематические классификации политических явлений или концептуальные схемы, подобные представленным в моих работах по системному анализу, — такой же нормальный исследовательский продукт, как и любые обобщения или математические модели. Единственное, что следует выяснить, — соответствует ли данный интеллектуальный продукт нуждам претендующей на научность дисциплины, вроде политологии, с точки зрения однозначности его понимания и возможности проверки. Иными словами, если полученное нами знание способствует удовлетворительному объяснению или адекватному пониманию эмпирически наблюдаемых явлений, то оно полностью отвечает требованиям, предъявляемым к научным методам. История естественнонаучных исследований показывает, что вопреки настояниям классического позитивизма нет оснований приписывать какому-то определенному виду интеллектуальных продуктов монополию на правильное понимание того или иного феномена. В начале 1990-х годов постбихевиоралистский этап в истории политологии все еще находится в процессе становления. Пока еще трудно сказать с полной определенностью, чем он, в конечном счете, отличается от бихевиоралистского и в каком новом направлении идет дисциплина. Но одно уже ясно. Постбихевиорализм возник как реакция на проблемы, порожденные бихевиорализмом. К их числу относятся: равнодушие к моральным оценкам; чрезмерная приверженность формальным, математизированным заключениям, ставшая следствием использования научного метода; повышенное внимание к теоретическим критериям за счет социальной проблематики; концентрация на социальных детерминантах поведения, сочетающаяся с пренебрежением к его важным когнитивным (рациональным) элементам; отвлечение от истории политических систем, определяющей их современный характер. Но, надо признать, что, пытаясь справиться с этими унаследованными от бихевиорализма проблемами, постбихевиорализм порождает немало новых, присущих только ему. Некоторые из них уже бросаются в глаза, другие же неминуемо дадут о себе знать, когда будет исчерпан потенциал предлагаемых ныне объяснений. Например, упор на применение накопленных

знаний для решения насущных социальных проблем уже поставил нас перед необходимостью реинтеграции специализированных дисциплин. Декарт учил, что достигнуть понимания можно, лишь выделив и проанализировав составные части объекта. Но применение знания к решению социальных проблем требует, напротив, сведения воедино специализированного знания различных общественных наук. Мы до сих пор не знаем, как этого добиться. Прикладные исследования отвлекли и без того скудные ресурсы, задействованные ранее для решения фундаментальных проблем, и уже возникла потребность в переоценке соотношения между прикладным и так называемым «чистым» знанием. Использование компьютерной технологии, несомненно, коренным образом изменит многие аспекты методологии ведения исследовательской работы во всех общественных науках, в том числе и политологии, и мы можем только догадываться, в каком направлении. Наконец, в условиях растущей интернационализации исследований все более остро встает вопрос, насколько универсальными могут быть применяемые в общественных науках понятия при учете культурной обусловленности большинства исследований, касающихся социальных явлений. Можно ли создать подлинно международное обществознание в мире, где различные культуры столь откровенно по-разному подходят к пониманию социальных явлений, часто используя совершенно несхожие понятия?

Обсуждение значения подобных вопросов для политологии слишком далеко увело бы нас, однако, от темы настоящей работы, посвященной анализу четырех основных фаз развития — формально-правовой, традиционной, бихевиоралистской и постбихевиоралистской, — через которые прошла американская политология в XX в. Возможно, эти вопросы предвосхищают пятую фазу, которой еще предстоит наступить.